18+

Игорь (Игошуа) Фурман

В ожидании пути

Игорь (Игошуа) Фурман

В ожидании пути

«Издательские решения»

Фурман И.

В ожидании пути / И. Фурман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934753-4

Перед вами поэтическая книга удивительного, необыкновенного автора. Это не просто стихотворные строки — это крик искренней, порывистой, увлекающейся души. Автор — тонко чувствующий словотворец, формирующий из привычных понятий и знакомых слов собственный мегаязык. Но только таким языком и можно выразить всю потрясающую гамму чувств, обуревающих закалённую, мужественную и при этом ранимую, сохранившую нежность, душу.Прикосновение к этой поэзии не оставит вас равнодушными.

ISBN 978-5-44-934753-4

© Фурман И.
© Издательские решения

Содержание

Об авторе 7
О книге 9
Выпавший из богемы 11
В Карпатах 11
Да, пока ещё я не дорос 12
Есенину 13
Подражание Пушкину 14
Фантазии на темы рисунков Нади Рушевой 15
Письмо из села Михайловское 16
Когда покидают стихи 17
Брату 19
Я отдаю тебе стихи 20
Мой грех… 21
Маяковскому 22
Апрель 23
А ты луна 24
Я всё прощу… 25
Он знает тайну обо мне… 26
Листья 27
«Виршик» 28
Передам тепло 29
Я такой же 30
Лишь бы не дать родиться 31
Предала любовь 32
Тобой пропахшая кровать 33
Ты не поймёшь 34
Усталость 35
Честной быть 36
Но я пытки своей не кому не отдам 37
Породила мама шалопая 38
Я тебя не помню 39
Моему деду 40
Серый человек 41
Два домашних поэта 43
Стихи читаю 44
Стихи 45
Потерял мечту 46
Глухой звонарь 47
Черновики 48
Опустел 49
В ожидании пути 50
В ожидании пути (В Израиль) 50
Из России 51
Я России – чужой 52
У старой и забытой синагоги 55
Сон 56

Кремки 58
Неба сплошная синь 59
Конец ознакомительного фрагмента. 60

В ожидании пути

Игорь (Игошуа) Фурман

© Игорь (Игошуа) Фурман, 2018

ISBN 978-5-4493-4753-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

ВІТРИЛА ПІДНЯТО

ІГОРЮ ФУРМАНУ — СІМНАДЦЯТЬ. ВІН УЧЕНЬ ДЕСЯТОГО КЛАСУ СТРИЙСЬКОЇ СЕРЕДНЬОЇ ШКОЛИ № 3. ВІРШІ СКЛАДАЄ ВЖЕ КІЛЬКА РОКІВ. ЗАКОХАНИЙ В ЛІТЕРАТУРУ. ЙОГО ПОЕЗІЯМ ПРИТАМАННІ КОНКРЕТНІСТЬ ПОЕТИЧНОЇ ДЕТАЛІ, ПУБЛІЦИСТИЧНА ГОСТРОТА І ЩИРІСТЬ.

ПРОПОНУЄМО УВАЗІ ЧИТАЧІВ КІЛЬКА ВІРШІВ МОЛОДОГО АВТОРА.

Родился в 1957 году в городе Томск, в семье сосланных в Сибирь из Буковины. Когда ему было 2 года, семья получила разрешение переехать на Украину в город Стрый, Львовской области. С детства любил поэзию: заставлял отца декламировать ночью часами стихи по памяти (отец писал на русском языке), бабушку декламировать на немецком языке поэмы Гейне и Гёте, дедушка читал свои стихи на немецком и на идиш.

Сам начал писать стихи с 10 лет. Когда ему было 14 лет, семья получила реабилитацию. Участвовал в десятках конкурсов на Украине, в России, в Латвии, в Белоруссии и в Молдавии. Печатался в местных газетах. В начале 1980 года, после окончания Львовского Политехнического Университета, переехал в Израиль.

Стихи пересылал в Израиль в сотнях писем, которые получал в течении нескольких лет через своих родственников и знакомых. Работает начальником отдела Информационной технологии в большой государственной организации. В последние годы пишет стихи на иврите.

Автопортрет

О книге

Эта книга была почти готова к печати ещё в 1979 году. Я только не уверен, что в те годы можно было в России издать книгу со всеми стихотворениями, которые находятся в этом сборнике.

Теперь, после 38 лет, что я живу вне русской культуры и, к сожалению, почти не говорю на русском языке, я решил издать эту книгу. Я чувствую, как будто я издаю книгу юноши, которого я прятал в себе все эти годы проживания в Израиле. Он уже очень далёк от меня, но вместе с тем очень дорог, и его стихи спасали меня в самые тяжёлые и трудные минуты жизни.

Я надеюсь, что как меня они спасали, давая мне огромную энергию и силы, они смогут помочь и читателям, которые будут читать её и каждый «…вырвет что-то с черновика…».

С уважением,
Игорь (Игошуа) Фурман

С сестрой и братьями

Со всей семьей. Игорь между сестрой и старшим братом

Здесь поэту 14 лет, и он писал без исправлений несколько стихотворений за один вечер: «…Молодые лица, старые сердца. Снег метёт, кружится – нет ему конца…»

Выпавший из богемы

В Карпатах

В Карпатах вырос я и песнь свою начал.
В Карпатах я увидел реки смелые.
И падали на землю звёзды спелые,
А я ловил их и в себя вбирал.

1973

Да, пока ещё я не дорос

Да, пока ещё я не дорос
И, конечно, очень далёк
От есенинских белых берёз,
От его нежно-буйных строк.

Но порою, чувствую, близок,
Обнимая берёзу, как он.
Жаль, что ростом пока ещё низок,
Я целуюсь с её стволом…

Мне бы ветви достать руками,
Прислонить их к своим губам,
Чтобы росы слились с слезами,
Чтоб не падать к её ногам.

Эй, веснушчатая подруга,
Наклонись ко мне. Обними!
Ты сегодня выглядишь строго. —
Видно, вспомнила вновь, что Серёга
Тоже с детства был полон любви,
Обнимая ветви твои…

Да, пока ещё я не дорос
И, наверное, очень далёк
От есенинских белых берёз,
От его нежно – буйных строк.

1968

Есенину

Я его не представляю дедом.
Критиков поносящих толпа
Рассуждает, задыхаясь, за обедом,
Чтобы было… если бы… тогда…

Чтобы было? Дальше сплетни илом,
Оседают на поэта тень.
И в мальчишке озорном, игривом,
Пьяницу, грызущего плетень —
Видят лица. Розовые щёки,
То ли кость, то ли стихи жуют.
Им нет разницы: Есенины иль Блоки…
…Комната. Диван. Стихи. Уют.

Там вино. От женщин, «незнакомок» —
Не туман, а словно чад идёт.
Куча разозлившихся «поломок»
Томик у Есенина берёт…

Он не скажет: «нет!» Он добрый малый.
Но не смейте извращать стихи!
Знаю, бредится мертвецки пьяным,
Водкой заливающий грехи!

Не такой! Вы слышите: не смейте!
В синь глазниц пролившаяся муть…
Юноша, на непонятном свете —
Как ему от страха не тонуть?

В этом парне было что-то Грея.
Но когда стихи читал свои…
Даже клён, мальчишкою дурея,
Падал на колено у реки.

Он любил свой край! И всё! И баста!
Где парнишке сельскому понять?
Что для революции мордастой —
Надо во всё белое стрелять?!

1971

Подражание Пушкину

По пушкинским лесам шатаюсь,
Его свободою дышу,
Строкою чистой дорожу
И в смерти гения я каюсь.

…Там облака прилипли к небу
И, помня тысячи чудес,
Стоит усталый тихий лес.
Там озеро прижалось к брегу…

Там всё без срока ждет поэта —
Деревья, озеро и лес,
Которые в стихах вознес.
С которых он ушел в бессмертье!

1971

Фантазии на темы рисунков Нади Рушевой

В комнатах знобило, как зимою.
Приподнявши воротник пальто,
Я стоял. И рядом, и со мною
Сотни горожан. И нам в лицо-
Пушкин улыбался черноглазо,
Пушкин на глазах у всех взрослел…
Рифмы бушевали, как ни разу,
И Онегин со стены смотрел…

Нимфы нарисованы туманом,
Все в цветах и сами, как цветы.
И сирены, что влекут обманом
В лоно волн. На гибель навести.

Не зовите. Не приду. Не надо!
Нету сил, чтоб оторвать глаза.
Я хочу сбежать от маскарада —
Со стены смеётся сатана.

Слушайте сирены, нимфы, сказки!
Слушайте! – Я повышаю тон.
Я не верю! Где же Надя? Краски…
Увлекают обезумевшего в сон.

Сон… Наверно?! Пляшут молдаванки,
Маргарита с Мастером стоит.
Пушкин возле сказочницы-няньки
Точенною рифмой говорит.

Сотни лиц то ли смеются, то ли плачут.
Оживают. И танцуют. И поют.
Где-то Надю, словно сказку, прячут,
И конечно же, когда-нибудь найдут!

Надя здесь. Запряталась в рисунке.
И на этом. И на том. Везде.
Улыбаются мадонны и со стенки:
«Я жива!» – твердит. «Я на Земле!»
«Мне семнадцать лет. Семнадцать вёсен.
Мне уже никак не постареть…»
Мы рисунки в памяти уносим,
Чтоб искусству никогда не умереть.

1974

Письмо из села Михайловское
(Края Пушкина)

Я не вижу сейчас
Ни любимых мной глаз.
Я не вижу сейчас
Рук, ласкающих нас.

Я не слышу сейчас
Мне знакомый твой голос,
И к земле я клонюсь,
Как заброшенный колос.

Между нами сейчас – бесконечность идти…
Между нами лежат километры пути.
Между нами всегда нет преград – мы близки!
Только сердце разрывается на куски.
Только тонет душа в тоске
И тоска отражается в строке.

1973

Когда покидают стихи
(Из цикла «Слепой музыкант»)

Прощайте, родные стихи! —
Я был неразборчив и груб.
А мой толстокожий дуб
Прощал мне мои грехи…

Ну что, старик, как-нибудь
Пошелестим листвой!?
Но ветер шипит: «забудь,
Он больше не будет твой!»

А я в скрипача, в рукав
Схватив: «скажи, ради Б-га!
Сколько водила дорога,
Бродягами нас избрав?!»

Падает чёрный сюртук
К моим дрожащим ногам…
«… Послушай. Куда ты, друг?!»
…Растаял мой старикан…

Сюртук это… или… тень…
Всё чего я касаюсь,
Стирается, словно день
Приходит. И тень исчезает.

О, Б-г! Что за грехи!
Б-же, скажи: «что это?
Разве не смерть поэта,
Когда покидают стихи?»

Вокруг собираются лица,
Глазеют, словно на порно —
А там бессильная птица
Пыталась взлететь упорно.

А крылья трепещут, как листья,
Дрожат и хлопают крыла…
И даже толпа застыла,
Когда умирала птица…

О Б-г! Что за грехи!
Б-же, скажи: «что это?
Разве не смерть поэта,
Когда покидают стихи?»

1978

Брату

В одиночестве дыма, в осадке вина…
Под гитару любимого брата —
Я опять вспоминаю тот вечер. Тебя.
Хотя память уже слабовата…

Я люблю этот звон! Пусть не точный, но смелый.
Будто вырвался стон. И по скатерти белой —
Растекается водка, словно мысли мои.
Надрывается глотка – я читаю стихи!

Ну а ты, мотылёк, – жить тебе только сутки.
А ты плачешь от строк, как ревут проститутки.
Не реви, не дрожи. Я не буду читать.
Дай запомнить тебя, перед тем как обнять!

Я люблю этот звон! Это брата гитара —
Пусть всё катится вон! Спой мне, брат, про гусара!
Спой мне «роту» свою. И еще, что умеешь.
И смешное мне спой – вдруг печаль одолеешь…

Вдруг, как в сказках, не раз побеждает добро —
Мы с тобою сбежим от греха̀ своего!

1976

Я отдаю тебе стихи

Люблю твоё дыхание, как круг,
Спасающий под бурною волною.
Ловлю твой взгляд стремительный, как лук,
С натянутою туго тетивою.

Срываю с воздуха слова твои —
Такие голубые незабудки.
Я отдаю тебе стихи свои
За половодья нег одной минутки…

1973

Мой грех…

И снова я тону́ в ручьях стихов.
И снова, как в молитве, умоляю
(Кого? Я даже сам не знаю…)
Прости мне миллион грехов.

Мой грех – моя любовь, душа моя.
Мои грехи, что небо не светлеет,
И море серое и не синеет.
Мой грех, что слёзы это не роса.

Мой грех, что наступила темнота,
Что тишина подкралась незаметно.
И что луна без звёзд, как мать бездетна.
И что в квартире та же пустота.

Мой грех, что зло огромнейшей змеёй
Обвило землю. И не знает страха,
И остаются тонны праха,
Рожденные страшнейшею войной.

Мой грех, что я, родившийся в снегу,
Внимаю звукам вечности природы
И вижу ивы плачущей тоску,
А вдалеке в цепях стоят народы…
А я помочь им не могу…

1974, октябрь

Маяковскому

В мире носились бури и грозы.
В спектре поэтов – новый цвет.
Шли по лестницам, словно обозы.
Стали сильнее гремел поэт.

Так ломились в историю строки,
Будто камни, катились с гор.
Кому-то простор открывая широкий,
Ну а врагам вынося приговор.

Нас разделяют многие годы,
И коммунисты уже не те.
Видно, нельзя изменить природу,
И человек не насытится! Не…

И пирамиды Энгельса, Маркса
Кто-то утопией назовёт.
Рифм твоих стук,
Словно вагоны,
Поезд застрял,
То ли с рельсов сошёл?!

1973

Апрель

Шёл апрель без зелени цветов,
На весну нисколько не похож,
И огни сгрудившихся домов
Заливал ненужный, поздний дождь.

От бестравья, словно от бесплодья,
Разрывал душу́ несносный страх.
Вспоминал, как в вёсны прошлогодние
Сапоги топтались на цветах!

Вся земля испуганно тонула
Под бомбежкой серого дождя,
И машина – чёрная акула
Резко в тормоз около меня.

И кричит с кабины обогретой
Голос злой: «Куда идёшь, дурак?!»
Отвечаю темноте я этой:
«Я хожу по ночи просто так.»

Отвернувшись, чтобы не видел боли,
Ухожу… И вновь стихи растут.
Неужели где-то на дороге
По ним тоже сапоги пройдут?!

Не для книжных парников, а просто —
Так чтоб я прочёл и ты прочла…
Так, чтоб рана рубцевалась без коросты
От любимого тобой стиха.

Так, чтобы бесплодье не пугало!
Так, чтоб знали – расцветут цветы!
Так, чтобы любимой было мало,
Если полвселенной даришь ты.

Не для книжных парников, а просто…

1976

А ты луна

Под треск дождя, под шум машин
И ветра завывающее пенье…
Ищу я вновь себе уединения…
Бегу к тебе, луна. Один.

А ты не смотришь на меня…
Ну не смотри! Я не икона.
Я не похож на поп-Леннóна.
Не в чём тебя и не виня.

Смотрю на дальние светила…
На их мерцающий огонь —
И скачет туча, словно конь!
А ты, луна, чего уныла?!

Что толку с твоего молчанья?
Возьми, как солнце, засвети!
Или начни писать стихи,
По небу звёздами швыряя…

А ты молчишь. Наверно, это вздор?!
Ты смотришь на меня в недоуменье…
И наклоняешься в сомненье,
Бросая на меня свой взор…

1973

Я всё прощу…

Я всё прощу: обиды, оскорбленья.
Возьми, ударь! Я не обижусь – бей!
Но ты не тронь святое вдохновенье.
Но ты не лезь в него! И сметь – не смей!

Оно пришло. И я, смывая слёзы,
Как в первый раз. Как в самый первый раз —
Живу! Дышу! И с разума наркозы
Срываю вновь на миг – блаженства час!

Я всё прощу: обиды, оскорбленья.
Возьми, ударь! Я не обижусь – бей!
Но ты не тронь святое вдохновенье.
Но ты не лезь в него! И сметь – не смей!

1977

Он знает тайну обо мне…

Я снова крикну сам себе: постой!
И снова не смогу остановиться.
И снова побегу за горизонт —
О, Господи, тебе молиться!

Нет, не молитва. И не стон. —
Срываются и падают слова,
Как будто с полулысых крон
Слетает пожелтевшая листва…

Листов исписанные лица,
Разбросанные по земле.
И ветер гонит их и злится,
Он знает тайну обо мне…

1976

Листья

Я хочу мальчишкой упасть в эти листья,
А кто-то брезгливо метнёт: «алкоголик!»
Как будто страницы мои под ногами —
Жилистые листья, гонимы ветрами…

И мнутся. И рвутся. Вывозятся. Жгутся.
Аж веники гнутся под тяжестью их.
Я падаю в листья – перебираю,
Как будто ищу ненаписанный стих…

1974

«Виршик»

Ты меня попросила:
Прочитай мене «виршик!»[1]
Небо тучи носило.
Я, как жалкий носильщик,
Нёс обиду с собою,
И устало сгорбился —
Над тобой. Надо мною
Чёрный ворон кружился.

Ты меня попросила:
Прочитай мене «виршик!»
Небо тучи носило.
Я не жалкий носильщик!
Я бежал, и дрожали,
Задыхаясь от боли, —
Ветви листья рожали,
Прямо тут – возле поля!

И взлетают, как птицы, —
Обезумев от воли,
Строки, словно зарницы
Здесь рожденные. – в поле!

1978

[1] «стишок» – на украинском языке

Передам тепло

Мозг мой сохнет. Я доведен до грани…
Люди! Я же вам сердце! Вам стихи!
Где душу вырывал, гноятся раны…
А вы тепло считали за грехи!

Как можно перепутать? Я не знаю…
Но не в обиде. Просто тяжело.
И солнце, обезумев, обнимаю —
Меня сожжёт. Я передам тепло!

1976

Я такой же

Я остался таким же – без рамок настенных,
Без расплющенных книжных строк.
В этой жизни, в сугробах заснеженных,
Отогреться я так и не смог.

Рано, знаю: за дебит – кредит.
Все равно не склепать счета!
Старый год устало уедет,
И я вновь не достиг ни черта!

Я опять не успел решиться.
То ли лень, то ли просто тоска.
Снег над нами летит, кружится, —
Замерзает в тетради строка…

1976

Лишь бы не дать родиться

И хочется бросить расчёты,
Рвануться к безумной строке.
И лист бледнолицый блокнота
Прильнёт, замирая, к руке.

А я зарисую страницу —
Бессловно, бездарно. Увы —
Лишь бы не дать родиться
Началу начала строфы!

Лишь бы не дать родиться:
Таблетки, кольца, аборт.
Я по побегам от музы —
Бью мировой рекорд!

1982

Предала любовь

Теперь тебе плевать на мой каданс.
На рифм моих грудастую упругость.
Тебе сейчас, пожалуй, ближе грубость
Или удачно скинутый пасьянс.

Я не хочу, чтоб ты вернулась вновь.
Кривляйся! Смейся! … Но глаза?! – В них слёзы…
Пройдут гулянья. И наступят грёзы…
И ты поймёшь, что предала любовь.

1973

Тобой пропахшая кровать

Тобой пропитанная простынь,
Тобой пропахшая кровать…
А мне не хочется ложиться.
А мне не хочется вставать.

Часы сбегают, словно годы,
А годы яростно бегут.
Потёртой карточной колодой,
Тебе опять про нас наврут.

1982

Ты не поймёшь

Ты не поймёшь мои размены,
Мои обманы и обмены.
Мои скитанья по судьбе…
Мой взгляд, который на тебе.

Ты не поймёшь. А за стена́ми
Те, кто зовут себя друзьями
Меня в паденье упрекнут,
Улыбкой хитрою моргнут,
Почувствовав себя судья́ми.
Бравируя – его мы знаем,
Меня за пошлого сочтут.

Им не понять. А в стенах тело,
А в теле сердце переспело!
А в теле разум мой как птица —
Не вырваться. Не протрезвиться.

И не понять свои размены.
Свои обманы и обмены.
Свои скитанья по судьбе
И взгляд усталый на тебе…

1982

Усталость

Опять усталость. Болезнь. Слабость.
И не заснуть. Не пробудиться.
А где-то близко ходит радость —
И не найти. И не схватиться.

И нежных глаз твоих вопросы.
Им не последуют ответы.
Воспоминания портреты.
И ни души со мною нету…

1982

Честной быть

Чему быть, – тому быть.
Не терять – не найти.
Без разлуки, наверно,
Не бывает любви.

И не знать бы нам горечь!
Да, как сладость ценить?
Перестав ненавидеть, —
Мы не сможем любить?!

Потому мне не важно:
Где ты? С кем и когда…
Мне бы знать, что со мною
Ты честной была.

Мы с тобою две жизни.
Две любви. Две судьбы.
Только ту, что ей верил:
Не марай! Не черни!

Разрываются руки
И ломается связь.
И не поняты просьбы…
И не ясен приказ.

И нужна только честность,
Чтобы память спасти. —
А потом оторваться,
Разлучиться! Уйти!
…….

Ну а ты спустишь слёзы,
Поморгаешь. Вздохнёшь.
И знакомой походкой
В незнакомость уйдешь…

24/3/82

Но я пытки своей не кому не отдам

Как бывает трудно повторить Одиссею,
А если бесконечно себя пытать?!
А если мимо любимой, закрываться не смея —
Каждый год! Каждый день! Каждый час проплывать?

Я для нимф никогда не писал дифирамбы…
Это легче, наверно, когда не кромсаешь души…
Одеваешь слова в разноцветные ямбы,
Как на пляж покрасивее ищешь трусы.

Не Ясон?! Чепуха! Воля – волей! А сердце?
Но я пытки своей никому не отдам!
Может, в этом и сила большого искусства,
Когда рифмы как бинт раздробленным словам!?

1976

Породила мама шалопая

Роза отвернулась и завяла,
Выкрутив зелёные листки.
Породила мама шалопая,
Словно водку льющего стихи.

Не стыдись, что я такой, родная мама,
Я по-прежнему тебя люблю. —
Породила мама шалопая,
Где-то там в Сибири, на дому.

И сейчас, закрыв глаза от боли:
Вдруг приснилась чёрная в слезах…
Словно чёрт, отпущенный на волю,
Завалился в душу мою страх.

Невозможное – возможно,
А возможное – никак!
И будильник вновь безбожно:
По мозгам: тик-так, тик-так!

Маму не найду чем успокоить,
Только умоляю: «Ты держись!
Видишь, страшно скользкою тропою
Развернулась предо мною жизнь…»

Невозможное – возможно,
А возможное – никак!
И будильник вновь безбожно:
По мозгам: тик-так, тик-так…

1975

Я тебя не помню

Я тебя не помню, я тебя забыл.
Просто, знаешь, помнить не могу.
Лепестки твои так рано приоткрыл —
Ты замёрзла розой на снегу.

Я тебе кричал, а ты не слышала.
Ты хотела сразу всё познать.
Ну зачем так рано ты открылась, а?
Ну зачем дала себя обнять?

Лу́ны к фонарям поприкреплялись,
Я по снегу вдавливаю след.
Мы с тобой давно уже расстались —
Будто не было тебя и нет.

Ты-то одинокой не останешься.
И кому придёт тебя обнять,
Будут обожать – ты не откажешься,
Как меня, и их очаровать.

Может быть, моя вина и в этом,
Что тебя так рано я открыл?
Я слонялся по земле поэтом,
Не с одной писал, стонал и пил.

Я не знаю, почему ты вдруг явилась?
Что вдруг каяться мне в голову пришло?!
Как укор ты ночью мне приснилась
И спокойствие с тех пор ушло…

1974

Моему деду

И снова я слушаю старые песни,
И жёлтые листья падают в кресло…
Я снова слышу дивные звуки…
И вспоминаю усталые руки,
Вонзившись в колени, магнитофон
Опять издает оглушительный звон:
И я, расхрабрившись, читаю стихи
И голос мой сильный. И жесты лихи.

А ты, наклоняясь, чтоб слышать яснее,
В них видел: деревья стоят, зеленея!
Не видел корявых, сутулых стволов
И чёрствых, нетёсаных, грубых дубов.

Не видел. Не знал. Не хотел понимать —
И снова упорно включал – и опять:
Я, расхрабрившись, читаю стихи
И голос мой сильный. И жесты лихи.

Дни ускользают медузой из рук —
Новые песни ценят вокруг.
Старые песни забыты под снегом,
Притоптаны времени быстрым бегом.

А я над могилой стою, леденея,
Читаю без позы. И голос слабеет…
Луна будто слушать уселась на тучи,
И я ухожу тебя больше не мучить.

1978

Серый человек

Там на Луне по вечерам
Счастливый человек блуждает
И каждой высохшей горе
Стихи молитвою читает.

И иногда, устав от чтенья,
Он на краю Луны стоит,
На Землю серую глядит
В недоумении наивном.

А на Земле и днём и ночью
Блуждает Серый человек.
Глаза и уши затыкает,
Гремя цепями, словно зэк.

Он сам себе куёт оковы
И в землю лезет, словно крот.
Он невесомости боится.
Боится, что не приземлится. Не упадёт!

Там, на Земле, жена и дети…
Им нужен хлеб, бельё, еда.
И он боится оторваться,
Исчезнуть вдруг или взорваться —
Он должен на Земле остаться,
Чтоб их не тронула нужда!
Цепей холодное железо
Он выбрал сам и навсегда.

И только ночью поздно-поздно,
Когда давным-давно все спят —
Он на Луну бросает взгляд
И губы серые бубнят:
«Луна! Луна! Спаси меня:
Дай ухватиться за тебя!
Зубами впиться до крови,
Чтобы почувствовать, что – ты!

Сегодня ты ещё огромней,
Чем та, которую я помнил!
Ещё спасительней, чем та,
Которая меня спасла!
Луна! Луна! Спаси меня!»

Он одинок в своём же доме —

Не понят, словно пень в соломе,
И та, с которой он не вместе,
Залита вместо крови – местью.

«Луна! Луна! Спаси меня!
Я пробовал забыть тебя.
Закрыть глаза. Заткнуть все щели.
И в землю, словно столб войдя,
Быть напряжённым на пределе».

И напряженья киловатты —
И униженья. И растраты.
И взгляд с укором, как петлёй…
И ястреб чёрный надо мной…
И глаз тяжёлых не раскрыть —
И быть – не быть.
И жить – не жить.

А вот глаза открывши вдруг —
Увидел я тебя, мой друг:
Такой уверенной. Огромной!
Такою близкой и бесспорной!
Такой понятливой и нежной!
И недоступной, и надежной!
Единственной! Одной тебя!
Луна! Луна! Спаси меня!

Я знаю, на Луне иначе.
Ты помнишь наши вечера?! —
Как мы горели и взрывались
Не догорая, разжигались,
Пока не кончимся дотла».

Цепей холодное железо
Он выбрал сам не для себя…

И тот, что на Луне – счастливый,
Плечами узкими пожмёт?!
Он на Луне себе живёт.
И весь горит, парит, витает
И каждой высохшей горе,
Стихи молитвою читает.

1992

Два домашних поэта
(Моему отцу)

Ты и я – два домашних поэта.
Наши песни, наверное, спеты
И зарыты в могилах листов,
Этажерок, блокнотов, шкафов.

Ты и я до боли похожи.
Наши души в косу́ сплетены́ —
Мы без музы, наверно, не можем,
Ну, а муза жаждет стихов —
А в тебе и во мне нету слов.

Ты писать перестал от недуга.
Я по воле язык поменял.
И мы ищем порою друг в друге
То, что каждый не дописал.

И тот вечер я вспоминаю —
Мы с тобой случайно, вдруг
Вырывали из памяти строки,
Каждый свой спасательный круг.

И вся та же публика – мать,
Улыбается и молчит.
Про себя еле слышно бубнит:
Как они похожи до боли?!…

Ты и я – два домашних поэта.
Наши песни, наверное, спеты
И зарыты в могилах листов,
Этажерок, блокнотов, шкафов.

4.1.2003

Стихи читаю

Уже мой лоб изрезали морщины,
А я по-прежнему печальный шут —
Мне разрешение дают
Плести при людях паутины.

Я проклинаю свой талант!
Но без него себя не знаю…
«Ну тише! Я стихи читаю!» —
Уже мой лоб изрезали морщины…

1979

Стихи

Моим стихам удел известен.
Мои стихи со мной умрут.
И будет в мире много песен.
Но той, моей, не подберут.

И бил родник, и были люди,
Чью жажду насыщали мы:
Кого лечили от простуды,
Кого лечили от чумы.

И одиночество, и страхи —
Всё брал поток «живой воды»,
Но вот пришли рвачи и рвахи
И непригодным нарекли.

Мол, не в «промышленных масштабах»
Нет пользы, надобно закрыть!
И был забит родник годами,
Но непременно выйдет бить.
……
Моим стихам удел известен.
Мои стихи со мной умрут.
Не потому ль так жадно, дерзко
Они порой из сердца бьют.

18.05.1982

Потерял мечту

Выпавший из богемы.
В побеге от музы.
Страдающий от гангрены
Поэзии, ставшей обузой.

Стираю, как строки, мысли.
Падаю в пустоту.
Не знаю, как это вышло:
Я пре́дал свою мечту.

28.09.82

Глухой звонарь

Я вижу, ты губами шевелишь.
Глазами что-то нервно объясняешь…
Не знаю, защищаешь иль винишь?
Скорей всего, меня ругаешь.

Прости, что я молчу, глухой звонарь
Устал звонить. Устал, поверь, ей Б-гу.
И дыма горький чад. Сигары гарь…
Следы, что бросил я тебе к порогу.

Глухой звонарь оглох от звона в медь
И в адском исступлении рыдая, —
Так рыба, не желая умереть,
Из сети рвётся, глупая, страдая.

Но вот минута трезвости пришла…
Забыть колокола? Забиться в людях?
Нет! Лучше умереть, звеня, звеня!
Тот не поэт, кто думает о судьях.

1976

Черновики

…Леса зелёного вата.
Домиков коробки́…
Быть может, пустая трата —
Эти черновики.

Но я не мечтаю о славе.
Не для похвал поэт!
Бывает, в забытой канаве
Можно нарвать букет.

Это моя надежда!
Это моя мечта!
Вдруг проходящий вырвет
Что-то с черновика!

1978

Опустел

Опустел незаметно, негаданно,
Словно было во мне и украдено
И стихи мои папкой спрессованы,
Как преступники арестованы.

Да и я теперь тоже гербарий.
И не то чтобы хилый и старый.
Опустел и тоска разобрала —
Всё, что было, куда-то сбежало…

1980

В ожидании пути

В ожидании пути (В Израиль)

В ожидании пути прошло моё детство.
В ожидании пути мы живём и сейчас.
Я родился с клеймом – обречённый на бегство,
А мы всё у причала, зовущего нас.

Не тонут мечты. Напрягается парус от ветра.
Нам бы цепь отрубить. Нам бы в море уйти налегке…
Так мы бьёмся у берега. И не выиграть метра.
Только кровь остаётся на скользком, холодном весле…

1976

Из России

Уже всё реже слышится «Союз».
Уже всё чаще слышится «Россия».
Я по земле Израиля качусь —
И моря синего стихия,
Как вдохновение – со мной!

А ты кричишь, что я другой.
А ты кричишь, что я не твой.
Хермон с холодной головой
Застыл в раздумье. И молчит,
А поезд нас куда-то мчит —
Тебя с России. Но куда?
Еврейства желтая звезда
Что означает для тебя?

1980

Я России – чужой

Я знаю – это безумство,
Но тело сводит в дрожь.
Неужели после разлуки
Ты уже не придёшь?

Невероятно?! Может случиться,
Я поймаю твой взгляд?
Кто-то в двери стучится.
Это сердце резвится,
Это нервы гуляют опять!

Может, всё же увижу
Я улыбку твою?
Может, всё же услышу
Как ты шепчешь: «люблю».

Не моя. Не чужая.
Не цвести. Не завять.
Мы на разных планетах —
Будем разно страдать!

Не боюсь ностальгии.
Я России – чужой.
В тех бескрайних просторах
Мы бродили с тобой.

И как тень под ногами,
Неотрывно. Всегда!
Предрешённость бродила,
Отрывая меня.

Предрешённость бродила,
Словно памяти бред,
Кровь во мне говорила,
И я выпалил: «нет»!

Не прощают такое —
На Российской земле
Дети мам вопрошают:
«Мама?! Мама?! Я не?!

Я не жид? Я нормальный?»
Дети пьют с молоком,
Что евреи ужасны.
Что евреям погром!

Есть другие. Я знаю.
Комплиментом в лицо —
«Не похож ты на этих.
Ты как мы. Ты не то!»

Я похожий на «этих»!
В мне еврейская кровь!
Каждой тканевой клеткой
Ощущаю подвох.

Присмотритесь получше!
Я мальчишка босой,
Что за мамой шагает,
Словно скот на убой!

Присмотритесь получше —
Я из пепла! Сожжён!
На мне номер из гетто,
Как скотине, клеймен!

Присмотритесь получше!
На мозоли мои —
Я бродил по планете.
Я искал, «где свои»?

Не прощают такое.
Ты дитя без вины.
А я с миром ужасным
В состоянье войны.

А я миром ужасным
Обречён на войну —
Не горюй понапрасну.
Не страдай понапрасну.
Я уже не приду.

На земле моих предков
Море дышит волной.
Словно слёзы к глазам
Подступает прибой.
А я здесь. Я не твой…

Вместо тёплой Герцлии
Я родился в Сибири.
Без вины виноватый
Дед носился с лопатой.

Жили люди – не люди.

Да, их голод давил!
Словно чёрные тени
Выползают с могил.

И Сибирь пред глазами,
Словно чёрный ледник.
Я родился в Сибири.
Рядом с смертью. Впритык.

Не боюсь ностальгии. —
Я России чужой.
Там в бескрайних просторах
Нас вели на убой!

И как Б-г между нами.
Неотрывно. Всегда.
«Мы уедем " – бродила
Вековая мечта.

На земле моих предков
Море дышит волной…
Словно слёзы к глазам,
Подступает прибой
И я больше не твой…

1982

У старой и забытой синагоги

Y старой и забытой синагоги,
Где канторов не слышны голоса,
Стою на мёртвом холоде порога, —
А слёзы под ногами, как роса.

И сотни глаз меня жуют, съедают
И ненавистью режут жилы мне.
А ветер, словно библию, листает
Остатки жёлтых листьев на земле.

О синагога, гордая громада,
Ты выстояла сотни бомб, когда
Фашистские, звериные бригады
Пытались разбомбить тебя дотла.

Ты выстояла, выжила, сумела.
Фашисты уничтожены. А ты
Стояла, как невеста! Королева!
Вся в ожидании «тфилы»[2].

Ждала. Ждала. Но твой освободитель,
Солдат советский, русский брат,
Решил твою судьбу иначе
И превратил тебя в меб. склад[3].

Он не стрелял. Нет. Он не тратил пули.
Он эффективней, чем фашист!
Решил тебя стереть живою…
Но я склоняюсь пред тобою,
Не видя мебельного хлама:
…Я вижу Сару и Абрама,
Стекают вновь в утробы храма…

И каждый он – история живая,
И каждый он – еврейская судьба…
Ты синагога выстоишь – святая.
И мы ещё вернёмся навсегда!

Львов, 1976

[2] молитвы (иврит)
[3] мебельный склад

Сон
(Мысли о Сибири по дороге в Черновцы – город, с которого нас сослали).

Беспокойный стук колёс,
Ночь в окне коптит…
Бег молящихся берёз —
И луна парит.

Прут[4] зеркальной мостовой
Промелькнул и сник.
Мысли сердце под конвой-
Я к окну приник.

Мысли страшные мои:
Свечи без конца…
Руки нежные твои…
Вытащи меня!

Бесполезный крик души —
Не поможет он.
Поезд тише. Не спеши!
Сон… сон… сон… сон…

И снится мне мороз трескучий.
И снятся люди синие…
И даже дуб, старик могучий
Хрипит, седой от инея.

А люди падают в сугробы…
Собака воет – мордой в снег,
А там в снегу, в застывшей робе
Уже не встанет человек.

Теперь охота за собакой —
Ей лечат там туберкулез!
Герой войны – калека пьяный.
Её убил и сам унёс.

И воют провода уныло:
Гудят. Гудят. Гудят. Гудят!
И белым снегом труп накрыло.
И птицы мёртвые летят…

[4] название реки

Река, как старая жебротка,
Всю воду спрятала под лёд!
И вмерзла, словно рыба, лодка —
Не отплывет. Не поплывет!

И солнце мордой здоровенной
Примёрзло к ледяной тропе:
А тот о смерти… О мгновенной
Мечтает, молится во тьме…

Беспокойный стук колёс.
Дрожь холодных крон,
Убегающих берёз:
Стон… стон… стон… стон…

1975

Кремки

Ты хочешь стихи, но стихи без печали.
Ты хочешь цветы, но цветы без шипов!
Но нами играют! Но нами играли —
Мы жалкие кремки[5] на пальцах Богов!

Ты дашь обещание. В свое оправдание.
Свое обещание захочешь сдержать.
Но Боги решили сегодня гуляния!
И ты до безумия будешь гулять!

Ты будешь молиться. И чтобы не сбиться:
«О, только б забыться…» – шептать, как в бреду.
И если не сможешь понравиться лицам…
Понравиться лицам? И я не смогу.

Но я не желаю! Собой не играю!
Собой не играю. – Мгновеньем живу!
И строки печали, как розы с шипами,
Как розы с шипами, я в сердце несу!

Львов, 1978

[5] Кремка – кукла, которая надевается на руку.

Неба сплошная синь

Неба сплошная синь
И лишь горизонт в крови.
Я слышал, кричали: «кинь!»
Я слышал: «Кидай! Лови!»

А по траве пересохшей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.